

Речеведческие экспертизы в судопроизводстве: насущные потребности, проблемы и пути их решения

 Е.И. Галяшина

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Москва 125993, Россия

Аннотация. Рассмотрены проблемы, препятствующие эффективному использованию в судопроизводстве специальных речеведческих знаний, применение которых необходимо для квалификации правонарушений, совершаемых посредством речевых действий. Среди таких проблем названы: несовершенство действующего законодательства о судебно-экспертной деятельности, в котором отсутствуют единые профессиональные и квалификационные требования к государственным судебным экспертам и лицам, не являющимся работниками государственных судебно-экспертных учреждений, которые довольно часто привлекаются для производства лингвистических, фоноскопических и автороведческих экспертиз. Отмечается, что вследствие отсутствия у таких экспертов профессиональной подготовки по судебно-экспертным специальностям качество проводимых ими речеведческих исследований не удовлетворяет потребности юридической общественности и гражданского общества в качественных и объективных экспертизах, результаты которых могут быть использованы в судопроизводстве. В случае обнаружения некомпетентности негосударственных экспертов их заключения признаются недопустимыми доказательствами и назначаются повторные экспертизы в государственные судебно-экспертные учреждения, что существенно затягивает разбирательство по делу. Предлагается на законодательном уровне обязать негосударственных экспертов проходить сертификацию, унифицировать порядок обязательного получения дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности для государственных и негосударственных судебных экспертов. Для решения этих проблем предлагается разработать и внедрить паспорт по каждой судебно-экспертной специальности, единую номенклатуру экспертных специальностей по видам родов судебных экспертиз, объединяемых в класс речеведческих экспертиз, унифицировать по ним дополнительные профессиональные программы переподготовки и повышения квалификации.

Ключевые слова: *речевые правонарушения, специальные речеведческие знания, судебная лингвистическая экспертиза, судебная автороведческая экспертиза, судебная экспертиза фонограмм, профессиональные и квалификационные требования, экспертная специальность*

Для цитирования: Галяшина Е.И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве: насущные потребности, проблемы и пути их решения // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 4. С. 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-6-18>

Speech Analysis in Legal Proceedings: Urgent Needs, Problems and Ways to Solve Them

 Elena I. Galyashina

Kutafin Moscow State Law University, Moscow 125993, Russia

Abstract. The article describes the problems in legal proceedings that impede effective use of special knowledge of speech necessary to qualify offenses committed by means of speech actions. Among them the imperfection of the current legislation on forensic expert activity is mentioned, where there are no uniform professional qualifications and requirements for state forensic experts and persons who are not the employees of state forensic institutions and who are quite often involved in the conduct of linguistic expertise, authorship and phonogram examinations. It is stated that due to the lack of professional training in forensic specialties of such non-state experts, the quality of their speech analysis does not meet the need of the legal community and civil society in objective and effective examinations, the results of which could be used in trial. If the incompetence of non-state experts is revealed, their opinions are recognized as an inadmissible evidence, reexaminations are assigned to the state forensic institutions, which significantly delays the proceedings. It is proposed to legislate the mandatory certification for non-

state experts, to unify the procedure of additional professional education in the field of specific expert's specialties for state and non-state forensic experts. In order to solve the problems mentioned above it is proposed to develop and implement a passport for each forensic specialty, a single nomenclature of forensic specialties corresponding to the types of forensic speech examinations, to unify additional professional retraining and professional development programs.

Keywords: *speech offenses, special knowledge of speech, forensic linguistics, forensic authorship examination, forensic examination of phonograms, professional and qualification requirements, expert's specialty*

For citation: Galyashina E.I. Speech Analysis in Legal Proceedings: Urgent Needs, Problems and Ways to Solve Them. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 6–18. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-6-18>

Введение

Осуществление судопроизводства сегодня невозможно без использования специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства или ремесла. Объективные, научно-обоснованные результаты судебных экспертиз и исследований, выполненных квалифицированными экспертами, часто позволяют правоприменителю принимать справедливые процессуальные решения по уголовным, гражданским делам, делам об административных правонарушениях, укрепляют авторитет судебной системы и повышают доверие граждан и юридических лиц к государству, обеспечивающему, в том числе посредством института судебной экспертизы, защиту их прав и законных интересов.

Однако на практике нередки случаи, когда качество проведенной экспертизы вызывает много вопросов. Причин тому несколько. Это и привлечение к производству экспертиз кабинетных ученых – лиц, имеющих лишь теоретические представления об исследуемых объектах, далеких от криминалистики и судебно-экспертной деятельности (СЭД); и формальный подход к соблюдению принципа независимости судебного эксперта; и закрытость от научной общественности ведомственных экспертных методик; и некомпетентность или ангажированность некоторых экспертов; и отсутствие единого подхода к квалификационным требованиям и экспертным специализациям государственных судебных экспертов и лиц, не являющихся работниками государственных судебно-экспертных учреждений (СЭУ); и потребность в совершенствовании действующего законодательства, регулирующего СЭД в Российской Федерации.

Сейчас заключение эксперта не считается не подлежащим оспариванию доказательством только потому, что оно выполне-

но в государственном СЭУ или именован экспертом. Более того, среди коммерческих организаций и «независимых экспертных» организаций стал процветать новый бизнес «профессиональных рецензенто-спойлеров», с готовностью берущихся на возмездной основе опорочить по формальным основаниям или надуманным поводам любое заключение эксперта, независимо от реального качества экспертизы, специализации или профиля экспертной деятельности.

Выносимые с помощью средств массовой информации и Интернета на суд общественности случаи халатности государственных судебных экспертов, ангажированности представителей так называемых независимых экспертных организаций, некомпетентности и отсутствия профессионального образования по судебно-экспертным специальностям частных экспертов подрывают у граждан и юридических лиц веру в верховенство закона и справедливости, деморализуют общественное сознание, способствуют развитию правового нигилизма и безответственности, дискредитируют авторитет судебной власти. При этом высказываемые об экспертизах суждения журналистов далеко не всегда бесспорны, а иногда очевидно тенденциозны, зачастую перерастают в откровенный троллинг, чтобы сформировать определенное общественное мнение и повлиять на оценку заключения эксперта следствием или судом.

Согласно действующему законодательству заключение эксперта как доказательство не имеет заранее установленной силы и оценивается судом в совокупности с иными добытыми по делу доказательствами. Тем не менее значение судебной экспертизы, основанной на современных достижениях науки и техники, проведенной

профессиональным квалифицированным экспертом, для установления истины по делу трудно переоценить. В ситуации, когда российское государство на мировой арене сталкивается с возрастающим количеством глобальных угроз и вызовов национальной и общественной безопасности, среди которых – международный терроризм и экстремизм, транснациональная организованная преступность, проблема повышения объективности, транспарентности, эффективности института судебных экспертиз становится как никогда актуальной. Особенно это касается речеведческих исследований, которые в силу специфики объектов более доступны для понимания широкой общественностью, а потому находящиеся «на слуху» ошибки экспертов по резонансным делам сразу, как лакмусовая бумажка, высвечивают болевые точки и основные проблемы института судебной экспертизы.

Речевое бескультурье или правонарушение? Зачем судопроизводству нужны специальные речеведческие знания

В современной российской жизни существует множество факторов, мотивирующих и провоцирующих проявление вербальной агрессии в обществе. В условиях процветающего нравственного плюрализма и правового нигилизма, пренебрежения нормами права, морали и этики в языковой практике происходит смешение стилей и культур речевого поведения, стилистические границы речевого взаимодействия оказываются сдвинуты или размыты. Порой складывается впечатление, что, с одной стороны, люди разучились грамотно говорить и писать по-русски, а с другой – что они мастерски владеют жаргонами и эзоповым языком. Публичная речь официальных лиц, общественных и политических деятелей, как и пресса, изобилуют субкультурными образованиями вплоть до употребления обсценной лексики и элементов, заимствованных из воровского аргота. Русская речь превратилась в инструмент сознательных или неосознанных нарушений правовых и этических норм, культурных традиций России. Речевое произведение нередко выступает как *corpus delicti* (от лат. «состав преступления, вещественные доказательства, основные улики»), так как в нем содержатся признаки объективной стороны правонарушения, совершенного посредством слова. В то же время формально и четко опреде-

лить границы между языковым бескультурьем, речевым безвкусием, бестактностью, этикетным невежеством и преступлением или административным правонарушением, совершаемым посредством речевого действия, становится задачей затруднительной или вовсе не решаемой без обращения к специальным знаниям о языке и речи, используемым при проведении речеведческих исследований.

Девиантная, провокативная коммуникация как отклоняющаяся от общепризнанных норм коммуникативного поведения в диалогическом интернет-общении становится если не нормой, то модным трендом. Конфронтационные тактики троллинга и соотносящиеся с ним тактики «флуд», «флейм», «офтоп», «эльфинг»¹ выступают в качестве конфликтогенных факторов, порождая речевые акты с диффамационным и экстремистским содержанием. Основным признаком такого девиантного речевого поведения является провокация адресата на определенную, чаще всего отрицательную эмоциональную реакцию вплоть до агрессии или ответной реакции угрозы, уничижительной характеристики партнера по коммуникации.

Круг правонарушений, совершаемых посредством речевых действий, довольно обширен и не исчерпывается нижеприведенным перечнем. К ним относятся:

- распространение не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений (ст. 152 ГК РФ);
- клевета (ст. 128.1 УК РФ);
- клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя,

¹ Тактика «флуда» характеризуется отправкой потока «мусорных» или пустых сообщений, не несущих смысловой нагрузки, связанными с контекстом, в котором они помещаются. Ее цель – отвлечение внимания коммуникантов от инициального сообщения темы с переключением его на флуд.

Тактика «флейма» направлена на переключение внимания коммуникантов с темы сообщения на личности посредством разжигания деструктивной дискуссии, перерастающей в спор с использованием ненормативного словотворчества, инвективной лексики, невербальных средств коммуникации. Тактика «офтопа» используется интернет-мошенниками для размещения сообщений, не соответствующих тематике коммуникации.

Наряду с открытыми конфронтационными тактиками используются и тактики «эльфинга», маскирующиеся под кооперативное коммуникативное поведение, суть которых заключается в том, что провокационные сообщения преподносятся как нарочито положительные отзывы, при этом их авторы преследуют деструктивные и конфликтогенные цели.

лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298.1 УК РФ);

- оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ);
- неуважение к суду (ст. 297 УК РФ);
- распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично (ч. 3 ст. 354.1 УК РФ);
- нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ);
- оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ);
- оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ);
- хулиганство, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ);
- умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порча или уничтожение (п. 2 ст. 5.26 КоАП РФ);
- публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ)²;
- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ);
- возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ)³;
- пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или

символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами (ст. 20.3 КоАП РФ);

- угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ);
- склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ);
- организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ);
- угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ);
- пропаганда либо незаконная реклама наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. 6.13 КоАП РФ);
- распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации (ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ);
- распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, либо осквернение символов воинской славы России, в том числе совершенные публично (ч. 3 ст. 354.1 УК РФ), с применением средств массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетей (ч. 4 ст. 13.15 КоАП РФ);
- распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой ин-

² Примечания: под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. Под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности. (Примечания введены Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ и Федеральным законом от 29.12.2017 № 445-ФЗ.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ В ред. Федерального закона от 27.12.2018 № 519-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

формации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи (ч. 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ).

Таким образом, потребность судопроизводства в речеведческих экспертизах объективно обусловлена социальным заказом на использование специальных знаний для разрешения многих информационных споров и конфликтов, возникающих в связи с распространением конфликтогенных и криминогенных текстов, посягающих на нематериальные блага и законные интересы гражданина или юридического лица. Речеведческие знания востребованы при рассмотрении дел разных категорий, сопряженных со злонамеренным разжиганием ненависти и вражды, сеянием социальной розни, умышленной дискредитацией органов государственной власти, оскорблением и клеветой, распространением фейковых новостей под видом достоверных сообщений, проявлением неуважения к государственной власти и ее символам, злоупотреблением свободой слова и массовой информации и т. д.

В последние годы отечественной и зарубежной наукой сделан ряд шагов в изучении этих феноменов в судебно-экспертном аспекте (см., например, [1–6]). Тем не менее особого внимания требуют новые и малоизученные экспертами-речеведами жанры современной публичной коммуникации (интернет-мемы, политический твитинг, креолизованный виртуальный дискурс, мультимодальный, мультимедиаальный месседж и др.), совмещающие устную и письменную форму речи, представляющие собой гибридную форму онлайн-реализации речевой деятельности в интернет-пространстве с высокой степенью спонтанности, семантической свертки, диалогичности, краткости, экспрессивности, разговорности и т. д.

Понятие, предмет и объекты речеведческих экспертиз

Термин «речеведческие экспертизы» во многом носит собирательный характер, объединяя судебно-экспертные исследо-

вания различных родов (видов) судебных экспертиз, объектом исследования которых выступают речевые произведения (продукты или следы речевой деятельности) человека. Научную основу речеведческих экспертиз составляет система знаний об условиях и закономерностях речевого поведения человека, определяющих индивидуальность устной и письменной речи, ее динамическую устойчивость и вариативность.

В класс речеведческих экспертиз входят судебная лингвистическая экспертиза, судебная автороведческая экспертиза, судебная экспертиза фонограмм⁴.

Судебная лингвистическая экспертиза – это процессуально регламентированное экспертное лингвистическое исследование формально-языковой и содержательно-смысловых сторон речевого произведения с целью выявления словесных конструкций и смысловых единиц текста, подпадающих под признаки конкретного противоправного деяния, ответственность за которое предусмотрено соответствующей законодательной нормой.

Автороведческая экспертиза назначается в случаях, когда необходимы специальные знания для установления авторства текста. При производстве экспертизы по конкретным делам эта основная задача автороведческого исследования уточняется в зависимости от цели проводимого исследования и обстоятельств дела (например, когда есть основания считать, что автор текста намеренно исказил признаки навыков своей письменной речи) [7–14].

Судебная экспертиза фонограмм (фоноскопическая экспертиза, фонографическая экспертиза, криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей) решает комплекс идентификационных и диагностических задач, связанных с исследованием зафиксированной на фонограмме устной речи⁵.

Если говорить в общем о предмете класса речеведческих экспертиз, то в качестве такового выступают факты и обстоятельства, имеющие значение доказательств, на основании которых правоприменитель дает правовую оценку тем сведениям, которые содержатся в результатах (продуктах)

⁴ В класс речеведческих экспертиз могут также включаться почерковедческая экспертиза и техническая экспертиза документов.

⁵ ГОСТ 58332–2018. «Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения». Официальное издание. Москва, 2019.

речевой деятельности, зафиксированных в форме речевых следов на материальных носителях.

Объектами речеведческих экспертиз и исследований являются речевые произведения (продукты или следы речевой деятельности), зафиксированные на материальном носителе в любой форме (рукописной, печатной, машиночитаемой, электронной, звучащей), вовлекаемые в сферу судопроизводства в качестве вещественных доказательств, документов, предметов, образцов для сравнительного исследования, материалов дела, по которому производится судебная экспертиза. Это могут быть рукописные записи, машинописные, печатные, типографские тексты, фонограммы, видеофонограммы, изображения на экране монитора или скриншоты смс-переписки между абонентами телефонной связи, письма по электронной почте, комментарии в социальных сетях, чатах и блогах, информация, передаваемая через различные мессенджеры для мгновенной передачи сообщений («Вайбер», «Вотсап» и др.) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и т. д.

Результат (продукт) речевой деятельности на том или ином языке в виде речевого следа отображается на материальном носителе в форме, доступной для восприятия и понимания адресатом коммуникативного акта.

Специфика речевых произведений как объектов судебно-экспертного исследования заключается в их дуализме. Они имеют языковую (знаковую) природу, порождены с помощью языка в процессе речевой коммуникации. Речевые произведения имеют материальный план выражения (в виде графической записи буквенных последовательностей или аудиозаписи звукового потока) и ментальный план содержания (семантики), которые связаны между собой определенными системными отношениями.

В частной теории и практике каждого рода судебной экспертизы, входящей в класс речеведческих экспертиз, выработаны определенные требования, определяющие пригодность речевых объектов для проведения исследования и решения задач данной экспертизы.

Так, например, основными критериями пригодности речевого произведения для судебной лингвистической экспертизы являются такие признаки текста, как целостность, связность, завершенность, структурирован-

ность, контекстная определенность и т. д., отображение результата речевого действия на материальном носителе. Показания, записанные в протоколе не собственноручно, а со слов допрашиваемого лица, в силу своей производности непригодны для проведения лингвистической экспертизы.

Для решения задач судебной автороведческой экспертизы речевое произведение должно обладать свойствами речевого следа, в котором отражены речемыслительные (интеллектуальные, дискурсивные, языковые) навыки автора текста в степени и объеме, достаточном для установления автора речевого произведения и установления диагностически значимых признаков обликовых характеристик. Здесь в качестве объекта исследования могут быть использованы и показания, записанные со слов допрашиваемого лица, которые фиксируются по возможности дословно.

В фоноскопической экспертизе качество речевых сигналов (отношение сигнал/шум, разборчивость, длительность и т. д.) на фонограмме должно отвечать требованиям, предъявляемым соответствующими методиками для решения идентификационных и диагностических задач.

Проблемы профессиональной квалификации и компетенции субъектов речеведческих экспертиз

Языковая природа речевых произведений (устных и письменных текстов) и задач, решаемых при производстве лингвистической, автороведческой и фоноскопической экспертиз, порождают на практике ряд серьезных проблем, затрудняющих использование результатов речеведческих экспертиз как доказательств в судопроизводстве. Одна из самых серьезных, на наш взгляд, проблем кроется в непрофессионализме лиц, привлекаемых в качестве экспертов. Чаще всего это касается негосударственных экспертов, у которых отсутствует профильное высшее образование и дополнительное профессиональное образование по экспертным специальностям, соответствующим видам судебных экспертиз в ведомственных классификаторах. Однако и в государственных СЭУ встречается недостаточная компетентность экспертов, противоречивость применяемых методик, отсутствие единства в методических подходах к экспертной практике и специализации экспертов.

Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к государственному судебному эксперту, сформулированы в статье 13 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Статья 41 названного закона распространяет действие статьи 8 того же закона, обязывающей эксперта проводить экспертизу в пределах экспертной специальности, на лиц, не являющихся работниками государственных СЭУ. Поэтому судебный эксперт, помимо высшего образования, должен обладать специальными знаниями в объеме профессиональной подготовки по программам дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности.

Существенной, на наш взгляд, проблемой, которая может быть урегулирована законодательно, является отсутствие общественного контроля за качеством дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Дополнительные профессиональные программы (программы повышения квалификации и программы профессиональной переподготовки) по экспертным специальностям на официальных сайтах организаций в системе государственных СЭУ не публикуются и для юридической общественности и участников судопроизводства остаются тайной за семью печатями, что препятствует независимой оценке приобретаемых экспертом компетенций.

Законодатель требует, чтобы содержание дополнительной профессиональной программы определялось образовательной программой, разработанной и утвержденной организацией, осуществляющей образовательную деятельность, с учетом потребностей лица, организации, по инициативе которых проводится дополнительное профессиональное образование. Программы профессиональной переподготовки должны разрабатываться на основании установленных квалификационных требований, профессиональных стандартов и требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального и (или) высшего образования к результатам

освоения образовательных программ⁶. Это означает, что содержание дополнительных профессиональных программ по судебно-экспертным специальностям должно учитывать требования существующего федерального государственного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза», квалификация «Судебный эксперт»⁷, а также квалификационные требования к профессиональным знаниям, умениям и навыкам, необходимым для решения задач конкретного вида судебной экспертизы, соотносящегося с экспертной специальностью, в пределах которой обучаемый приобретает необходимые профессиональные компетенции (знания, навыки и умения).

В этой связи нам представляется необходимым законодательно закрепить не только обязательность единого подхода к профессиональным и квалификационным требованиям государственных судебных экспертов и лиц, не являющихся работниками государственных СЭУ, но и требование об унификации содержания дополнительных профессиональных программ по экспертным специальностям, перечень которых должен быть единым для всех ведомств и не вызывать разночтений.

В качестве положительного примера, который может быть положен в основу разработки унифицированных основных образовательных и дополнительных профессиональных программ, можно привести работу, проводимую РФЦСЭ при Минюсте России и Институтом судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по подготовке судебных экспертов [15, 16].

В частности, дополнительная образовательная программа профессиональной переподготовки по экспертной специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности», реализуемая РФЦСЭ при Минюсте России [17, 18], включает учебный план и календарный учебный график, рабочие программы учебных дисциплин (модулей), оценочные средства для текущего контроля и аттестации, паспорт комплекта оценочных средств, комплект оценочных

⁶ Ст. 76 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 17.06.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Приказ Минобрнауки России от 12.09.2013 № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования»; ФГОС ВО по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» (уровень специалитета). Утвержден Приказом Минобрнауки России от 28.10.2016 № 1342 // СПС «КонсультантПлюс».

средств (оценочные средства для проведения текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по модулям, итоговой аттестации), учебно-методическое, информационное и материально-техническое обеспечение обучения по программе. В результате освоения программы слушатель выполняет контрольные задания, учебные экспертизы, приобретает новые профессиональные компетенции ФГОС ВО по направлению подготовки 40.05.03 «Судебная экспертиза», квалификация (степень) «Специалист», а также профессиональные специализированные компетенции.

Основная образовательная программа по специальности 40.05.03 «3+» «Судебная экспертиза», специализация №5 «Речеведческие экспертизы», включает: комплекс юридических дисциплин по программам подготовки бакалавров юриспруденции; филологические, лингвистические и речеведческие дисциплины; общеэкспертные дисциплины; овладение профессиональными навыками и умениями при выполнении лабораторных работ, учебных и контрольных экспертиз.

Специфика производства судебных лингвистических, автороведческих, фоноскопических экспертиз требует, помимо филологического (лингвистического) образования, навыков, которыми характеризуется именно СЭД, в том числе владение современными экспертными технологиями и методиками, наличия дополнительного профессионального образования по соответствующим судебным экспертным специальностям, а также знаний из ряда отраслей материального и процессуального права.

Учитывая, что значительная доля речеведческих исследований (особенно это касается лингвистических экспертиз) осуществляется сегодня лицами, не являющимися работниками государственных СЭУ, не имеющими дополнительного профессионального образования по экспертным специальностям, не искушенными в тонкостях СЭД, не обремененными знаниями в области материального и процессуального права, криминалистики и судебной экспертологии, их качество во многом оставляет желать лучшего.

Заключения экспертов при подаче апелляционных и кассационных жалоб оспариваются, что существенно затягивает и усложняет проверку вынесенных приговоров и решений в апелляционном и кассационном порядке. Так, например, в апелляционной жалобе сторона защиты указывает,

что «согласно представленным стороной защиты заключению комиссии специалистов от 28.11.2016, а также показаниям специалиста, допрошенного в судебном заседании при проведении фоноскопического исследования файла с именем <...>, установлено, что он не является аутентичным (оригинальным), создан 10.06.2014 неустановленным техническим (программным) средством. Фонограмма в файле не аутентична, подвергалась изменениям. При лингвистическом исследовании аудиозаписи и текста расшифровки разговора установлено, что данный разговор можно интерпретировать несколькими способами, поскольку его участники используют “эзопов язык”. Участники разговора не обсуждают получение или возможность получения денежных средств от лица, не участвующего в разговоре, за действия (бездействие) в его интересах. Также дана оценка заключению судебной психолого-лингвистической экспертизы, которая судом апелляционной инстанции признана недопустимым доказательством»⁸.

Как следствие процессуальных и методических ошибок экспертов по резонансным делам, в СМИ появляются публикации, содержащие резкие и нелицеприятные оценки, граничащие с отказом от использования специальных знаний по причине того, что эксперты необъективны, некомпетентны или ангажированы [19]. Нередко звучат требования возбудить в отношении экспертов-лингвистов уголовные дела за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ, которые мотивируются тем, что, в отличие от других экспертов, лингвист не может не знать и не понимать, что он пишет в выводах, иначе придется признать, что он не владеет русским языком⁹.

Решение проблемы с некачественным проведением лингвистических, фоноскопических, автороведческих экспертиз нам видится в законодательном закреплении единых профессиональных квалификационных требований к лицам, осуществляющим производство судебной экспертизы; во введении для лиц, не являющихся работниками государственных СЭУ, обязательной сер-

⁸ Приговор № 22-4564/2018 от 25.12.2018 по делу № 22-4564/2018. <http://sudact.ru> (дата обращения: 06.07.2019).

⁹ «Для Иосифа Абрамовича Стернина единственный способ доказать свою невиновность – это убедить следователей в том, что он не владеет русским языком в принципе». <http://www.eizh.ru/interview/dlya-iosifa-abramovicha-sterlina-edinstvennyy-sposob-dokazat-svoyu-nevinovnost-eto-ubedit-sledovatel/> (дата обращения: 06.07.2019).

тификации компетентности судебного эксперта на основе единого межведомственного реестра экспертных специальностей; во введении унифицированных паспортов экспертных специальностей.

Другая не менее важная проблема использования специальных речеведческих знаний в судопроизводстве заключается в следующем. В силу того что участники речевой коммуникации (адресант и адресат сообщения) являются носителями одного языка, владеют им в степени, достаточной для осуществления коммуникации (передачи и получения информации), то и любое другое лицо, знающее тот же язык, полагает себя компетентным в понимании и интерпретации (толковании) передаваемого сообщения. Отсюда вытекает позиция ряда юристов, что лингвистическая и психолого-лингвистическая экспертиза по текстам, предназначенным для неопределенного круга лиц, в принципе не нужна.

Так, например, С. Н. Шишков и С. В. Полушинская полагают, что потребность в судебных экспертизах или привлечении специалиста появляется тогда, когда искомые признаки состава преступлений в уголовном законодательстве носят оценочный характер либо определяются через специальные термины. По мнению авторов, если характер уголовно-правового запрета невозможно установить, не прибегая к помощи специальных знаний и проведению экспертизы, то признание виновным в нарушении указанного запрета человека, не обладающего такими знаниями, неизбежно нарушает принцип субъективного вменения (вины), поэтому речь должна идти не о совершенствовании экспертных методик, а об отказе в рассматриваемых случаях от судебной экспертизы [20].

Другие полагают, что «основная проблема кроется не в недостаточно квалифицированных или прямо ангажированных экспертах, что случается в делах такого рода довольно часто. Дело, как представляется, в том, что степень социальной опасности текста должны определять вообще не ученые. ...Лингвистические методики, примененные к текстам различного рода, дают не только противоречащие здравому смыслу, но и прямо противоположные результаты» [21].

Третьи приводят примеры случаев, когда, по мнению авторов, «языковед зачастую выступает не как независимый эксперт, а, по существу, как имеющий специальные

(лингвистические) знания адвокат истца или ответчика (см., например, экспертное заключение А.Н. Баранова в отношении высказываний Ф. Киркорова, адресованных журналистке И. Ароян)» [22].

Здесь возникают вполне закономерные вопросы: что из себя представляют специальные лингвистические знания, чем они отличаются от общеупотребительных знаний носителей языка и где границы или пределы, за которые эксперт-лингвист выходить не должен?

Очевидно, что специальные лингвистические знания – это знания о языке и речи, умение и навыки применять эти знания в СЭД для установления фактов, имеющих значение доказательств, знания о методах исследования, которыми не обладают обычные носители языка. Эти знания, навыки и умения, именуемые специальными компетенциями эксперта, приобретаются им в ходе специального профессионального обучения и опыта практической экспертной деятельности.

Вне пределов компетенции эксперта-лингвиста находятся вопросы права: квалификация речевого деяния, установление признаков объективной или субъективной стороны преступления, совершаемого посредством речевого действия, а также доказывание умысла, мотивов, намерений речеведателя, наличие в речи скрываемых обстоятельств, правдивость или ложность сообщений и других явлений, выходящих за рамки языковедения и речеведения. Но, как показывает судебная практика, органы следствия часто не могут «устоять перед соблазном переложить на юридически неискушенных филологов функцию доказывания»¹⁰, что ведет к необходимости повышения правовой грамотности и самосознания экспертов.

Еще одна проблема, которая подстегивает экспертов-неофитов, заключается в том, что они применяют методы, не годные для применения в судебно-экспертной практике, методики, которые не соответствуют критериям объективности, достоверности получаемых результатов, возможности их проверки на основе общепринятых научных и практических данных. В итоге их выводы представляют собой не выводное

¹⁰ См. Апелляционное постановление Московского городского суда от 04.09.2017 по делу № 10-14092/2017; Апелляционное постановление Московского городского суда от 21.06.2017 по делу № 10-10782/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

знание, полученное на основе научного исследования, а субъективное мнение, во многом сформированное под влиянием высказываемой версии одной из сторон спора или конфликта.

Видный ученый в области семантики М. Кронгауз предостерегает от поиска скрытых смыслов: «...язык сам по себе – менее четкая и упорядоченная система. Поэтому и доля субъективности может присутствовать. Я, например, возражаю против рассмотрения в качестве каких-то доказательств так называемых скрытых, имплицитных смыслов. А некоторые эксперты довольно активно их используют. Но тогда человека можно обвинить в том, что он не говорил, мол, он что-то имел в виду. Это очень опасный путь. Мы ведь не в состоянии проникнуть в мозг, а только анализируем текст» [23]. Важными оказываются и стереотипы, связанные с особенностями личности эксперта-лингвиста, во многом определяемые жизненным опытом, который он приобрел, формируясь как объект труда, общения и познания.

Мы не раз предлагали различные пути «оздоровления экспертного организма, пораженного вирусом химеры непрофессионализма» [24, 25], включая введение единой номенклатуры экспертных специальностей по видам речеведческих экспертиз, разработку паспорта экспертной специальности по каждому виду речеведческой экспертизы, принятие национальных терминологических стандартов по судебной лингвистической и автороведческой экспертизам, паспортизацию и валидацию экспертных методик, включая методики комплексных психолого-лингвистических, фоноскопических и лингвистических экспертиз, и т. д. Тем не менее, несмотря на попытки ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭК) урегулировать посредством системы добровольной сертификации деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, на различных сайтах организации, не имеющие лицензии на образовательную деятельность, продолжают рекламировать краткосрочные курсы с выдачей сертификатов, имитирующих дипломы о получении дополнительного профессионального образования. Многие коммерческие и общественные организации, не обладающие организационно-правовым статусом СЭУ, создают внутренние «экспертно-квалификационные комиссии» из двух-

трех работников, включая руководителя, которые на возмездной основе предлагают так называемые свидетельства эксперта, имитирующие по внешнему виду свидетельства на право проведения судебной экспертизы, выдаваемые государственным судебным экспертам в соответствии со ст. 13 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Все это существенно затрудняет оценку участниками судопроизводства квалификации экспертов, некомпетентность которых нередко проявляется уже после проведения судебной экспертизы при оценке судом заключений экспертов, что влечет за собой признание их недопустимыми доказательствами, назначение повторных экспертиз в государственные СЭУ, существенно увеличивая сроки рассмотрения дел.

Заключение

Подводя итог, можно, на наш взгляд, констатировать, что при огромной объективной востребованности специальных речеведческих исследований в практике судопроизводства возникает немало проблем, причиной которых является отсутствие законодательно определенных профессиональных и квалификационных требований к негосударственным экспертам, которые, очевидно, должны быть такими же, как для государственных судебных экспертов. Это означает, что филологи, лингвисты, преподаватели вузов, не являющиеся государственными судебными экспертами, но привлекаемые для производства судебных экспертиз, помимо высшего профильного образования, должны получить дополнительное профессиональное образование по соответствующей экспертной специальности на базе либо государственного СЭУ, имеющего лицензию на образовательную деятельность, либо образовательной организации (вуза), осуществляющей подготовку судебных экспертов по основным образовательным программам ФГОС ВО 40.05.03 «Судебная экспертиза». Кроме того, необходимо унифицировать порядок получения дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности негосударственными экспертами и лицами, претендующими на должность государственного судебного эксперта, установленный нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Для этого необходимо ввести паспорт

экспертной специальности и единую номенклатуру экспертных специальностей по видам судебных экспертиз, а также унифицированные дополнительные профессиональные программы переподготовки и повышения квалификации по соответствующим экспертным специальностям.

Сегодня на этапе реформирования законодательства о СЭД сделать это вполне реально. В результате не только улучшится качество судебных речеведческих экспертиз, но и повысится эффективность использо-

вания их результатов в доказывании по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях, уменьшится нагрузка на государственные СЭУ. Неотвратимость справедливого наказания, назначенного судом на основе объективного заключения, составленного профессиональным и квалифицированным судебным экспертом, позволит вернуть пошатнувшееся доверие общества к лингвистической и другим речеведческим экспертизам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Coulthard M., Grant T., Kredens K. Forensic Linguistics. In: Wodak R., Johnstone B., Kerswill P. (eds). *The SAGE Handbook of Sociolinguistics*. Los Angeles: SAGE, 2011. P. 525–544. <http://doi.org/10.4135/9781446200957.n36>
2. Gibbons J. *Forensic linguistics: An Introduction to Language in the Justice System*. Wiley-Blackwell, 2003. 346 p.
3. Gibbons J., Turell M.T. (eds). *Dimensions of Forensic Linguistics*. John Benjamins Publishing Company, 2008. 316 p. <http://doi.org/10.1075/aals.5>
4. Catoto J.S. On Courtroom Questioning: A Forensic Linguistic Analysis // *IOSR Journal of Humanities and Social Science*. 2017. Vol. 22. No. 11. P. 65–97. <https://doi.org/10.9790/0837-2211086597>
5. Coulthard M., Johnson A. *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. London: Routledge, 2010. 702 p. <https://doi.org/10.4324/9780203855607>
6. Olsson J., Luchjenbroers J. *Forensic Linguistics*. New York: Bloomsbury, 2014. 369 p.
7. Juola P. Authorship Attribution // *Foundations and Trends in Information Retrieval*. 2008. Vol. 1. No. 3. P. 233–334. <http://doi.org/10.1561/15000000005>
8. Koppel M., Schler J., Argamon Sh., Winter Y. The “Fundamental Problem” of Authorship Attribution // *English Studies*. 2012. No. 93 (3). P. 284–291. <https://doi.org/10.1080/0013838X.2012.668794>
9. McMenemy G.R. *Forensic Linguistics: Advances in Forensic Stylistics*. CRC press, 2002. 360 p.
10. Olsson J. *Forensic Linguistics: An Introduction to Language, Crime and the Law*. New York: Continuum, 2008. 288 p.
11. Juola P. Detecting stylistic deception / *Proceedings of the Workshop on Computational Approaches to Deception Detection* (Avignon, France, April 23–23, 2012). PA: Association for Computational Linguistics, 2012. P. 91–96.
12. Sousa-Silva R. Investigating academic plagiarism: A forensic linguistics approach to plagiarism detection // *International Journal for Educational Integrity*. 2014. No. 10 (1). P. 97–98.

REFERENCES

1. Coulthard M., Grant T., Kredens K. (eds). *Forensic Linguistics*. In: Wodak R., Johnstone B., Kerswill P. *The SAGE Handbook of Sociolinguistics*. Los Angeles: SAGE, 2011. P. 525–544. <http://doi.org/10.4135/9781446200957.n36>
2. Gibbons J. *Forensic linguistics: An Introduction to Language in the Justice System*. Wiley-Blackwell, 2003. 346 p.
3. Gibbons J., Turell M.T. (eds). *Dimensions of Forensic Linguistics*. John Benjamins Publishing Company, 2008. 316 p. <http://doi.org/10.1075/aals.5>
4. Catoto J.S. *On Courtroom Questioning: A Forensic Linguistic Analysis*. *IOSR Journal of Humanities and Social Science*. 2017. Vol. 22. No. 11. P. 65–97. <https://doi.org/10.9790/0837-2211086597>
5. Coulthard M., Johnson A. *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. London: Routledge, 2010. 702 p. <https://doi.org/10.4324/9780203855607>
6. Olsson J., Luchjenbroers J. *Forensic Linguistics*. New York: Bloomsbury, 2014. 369 p.
7. Juola P. Authorship Attribution. *Foundations and Trends in Information Retrieval*. 2008. Vol. 1. No. 3. P. 233–334. <http://doi.org/10.1561/15000000005>
8. Koppel M., Schler J., Argamon Sh., Winter Y. The “Fundamental Problem” of Authorship Attribution. *English Studies*. 2012. No. 93 (3). P. 284–291. <https://doi.org/10.1080/0013838X.2012.668794>
9. McMenemy G.R. *Forensic Linguistics: Advances in Forensic Stylistics*. CRC press, 2002. 360 p.
10. Olsson J. *Forensic Linguistics: An Introduction to Language, Crime and the Law*. New York: Continuum, 2008. 288 p.
11. Juola P. Detecting stylistic deception / *Proceedings of the Workshop on Computational Approaches to Deception Detection* (Avignon, France, April 23–23, 2012). PA: Association for Computational Linguistics, 2012. P. 91–96.
12. Sousa-Silva R. Investigating academic plagiarism: A forensic linguistics approach to plagiarism detection. *International Journal for Educational Integrity*. 2014. No. 10 (1). P. 97–98.

13. Sperber D., Wilson D. *Relevance Theory. Handbook of Pragmatics*. Oxford: Blackwell, 2004. P. 607–632.
14. Stamatatos E. A Survey of Modern Authorship Attribution Methods // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2009. No. 60 (3). P. 538–556. <https://doi.org/10.1002/asi.21001>
15. Торопова М.В. Современные технологии обучения государственных судебных экспертов: опыт ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2018. Т. 13. № 3. С. 74–77. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-3-74-77>
16. Россинская Е.Р. Актуальные проблемы подготовки судебных экспертов и дополнительного образования по отдельным экспертным специальностям // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2018. Том 13. № 3. С. 78–85. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-3-78-85>
17. Кузнецов В.О. Дополнительная образовательная программа профессиональной переподготовки по экспертной специальности 26.1. «Исследование продуктов речевой деятельности». М.: РФЦСЭ, 2015. 56 с.
18. Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И., Акуленко Е.В., Бойцов А.А., Губаренкова Е.О., Крюк Е.К., Кумкова Т.Н., Портнова В.Б., Чумакова Е.Н. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе. Методическое пособие / Под ред. С.А. Смирновой. М.: РФЦСЭ, 2018. 136 с.
19. Челищева В. Экспертная уценка. Как судебная экспертиза в России превратилась в фарс // *Новая газета*. Выпуск № 63 от 15.06.2016. <http://www.novayagazeta.ru/politics/73457.html>
20. Шишков С.Н., Полубинская С.В. Проблемы установления состава преступления с использованием специальных знаний // *Уголовное право*. 2018. № 5. С. 114–123.
21. Дубровский Д. Экспертные заключения по делам о «словесном экстремизме» в России: спор о методах // *Журнал конституционализма и прав человека*. 2015. № 3–4 (8). С. 104–118.
22. Салимовский В.А., Мехонина Е.Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2010. Вып. 2 (8). С. 48–51.
23. Новоселова Е. Холивар не выдержит двоих. Как конфликты в современном обществе влияют на русский язык // *Российская газета*. Неделя. 01.09.2016. № 7064 (196). <https://www.pressreader.com/russia/rossiyskaya-gazeta-weekly/20160901/282750586167568>
24. Galyashina E.I. Forensic Linguistics in Russia: State of the Art and New Challenges // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 28–37. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-28-37>
13. Sperber D., Wilson D. *Relevance Theory. Handbook of Pragmatics*. Oxford: Blackwell, 2004. P. 607–632.
14. Stamatatos E. A Survey of Modern Authorship Attribution Methods. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2009. No. 60 (3). P. 538–556. <https://doi.org/10.1002/asi.21001>
15. Toropova M.V. Modern Technologies in the Training of State Forensic Examiners: Perspectives from the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 3. P. 74–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-3-74-77>
16. Rossinskaya E.R. Current Problems in Forensic Expert Training and Continuing Education in Selected Forensic Science Specialties. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 3. P. 78–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-3-78-85>
17. Kuznetsov V.O. *Additional educational program of professional retraining for expert specialty 26.1. "Research of speech products"*. Moscow: RFCFS, 2015. 56 p. (In Russ.)
18. Plotnikova A.M., Kuznetsov V.O., Sazhenin I.I., Akulenko E.V., Boitsov A.A., Gubarenkova E.O., Kryuk E.K., Kumkova T.N., Portnova V.B., Chumakova E.N. *Semantic research in forensic linguistics. Handbook / S.A. Smirnova (ed.)*. Moscow: RFCFS, 2018. 136 p. (In Russ.)
19. Chelishcheva V. The expert write-down. How forensic expertise in Russia turned into a farce. *Novaya Gazeta*. No. 63 on 15.06.2016. (In Russ.). <http://www.novayagazeta.ru/politics/73457.html>
20. Shishkov S.N., Polubinskaya S.V. The Problems of Establishing Elements of Crime with the Use of Special Knowledge. *Criminal Law*. 2018. No. 5. P. 114–123. (In Russ.)
21. Dubrovskii D. Expert Witness's Opinion in Hate Speech Cases in Russia: A Dispute Over Methods. *Journal of Constitutionalism and Human Rights*. 2015. No. 3–4 (8). P. 104–118. (In Russ.)
22. Salimovskii V.A., Mekhonina E.N. Typical Mistakes (Tricks) In Improper Forensic Linguistic Expertise. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2010. No. 2 (8). P. 48–51. (In Russ.)
23. Novoselova E. The flaming will not stand two. How a conflict in the modern society influences the Russian language. *Rossiyskaya Gazeta. Weekly*. No. 7064 (196). 01.09.2016. (In Russ.). <https://www.pressreader.com/russia/rossiyskaya-gazeta-weekly/20160901/282750586167568>
24. Galyashina E.I. Forensic Linguistics in Russia: State of the Art and New Challenges. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 28–37. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-28-37>

25. Галяшина Е.И. Проблемные зоны комплексной психолого-лингвистической экспертизы в судопроизводстве России // Армянский журнал психического здоровья. 2018. Т. 9. № 1. С. 50–57.

25. Galyashina E.I. Problem Zones of Integrated Psychological and Linguistic Forensics in Proceedings in Russia. *Armenian Journal of Mental Health*. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 50–57. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галяшина Елена Игоревна – д. юр. н., д. филол. н., профессор, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);
e-mail: egalyashina@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Galyashina Elena Igorevna – Professor, Doctor of Law, Doctor of Philology, Deputy Head of the Forensic Sciences Department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
e-mail: egalyashina@gmail.com

Статья поступила: 30.06.2019

Received: 30.06.2019